

ЧУКУРОВ Андрей Юрьевич / Andrey CHUKUROV

| Одиночество и гендер в финском кинематографе |

ЧУКУРОВ Андрей Юрьевич / Andrey CHUKUROV

Россия, Санкт-Петербург.

РГПУ им. А. И. Герцена.

Факультет философии человека, кафедра теории и истории культуры.

Доцент, кандидат культурологии

Russia, St. Petersburg.

Russian State Pedagogical University.

Department of theory and history of culture, Senior lecturer, PhD.

achukurov@yandex.ru

ОДИНОЧЕСТВО И ГЕНДЕР В ФИНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Статья посвящена репрезентации социокультурного феномена одиночества в кинематографе Финляндии, а также выявлению национальных особенностей данного феномена. Основное внимание уделяется анализу общих тенденций финского кинематографа, его художественной и институциональной специфике в контексте гендерного дискурса сегодняшнего дня.

Ключевые слова: художественная культура, одиночество, культурная идентичность, кинематограф, искусство, феминистская критика, гендерный анализ

Loneliness and Gender in Finnish Cinema

The article is devoted to the representation of the social and cultural phenomenon of loneliness through Finnish cinema, and also to the detection of the national features of this phenomenon. The main focus of attention is on the analysis of Finnish cinema's general tendencies, its art and institutional specifics, within the context of contemporary gender discourse.

Key words: artistic culture, loneliness, cultural identity, cinema, art, feminist critics, gender analysis

Не только талант требует одиночества,
но и одиночество требует таланта

В Финляндии одиночество — не просто образ жизни. Оно давно обрело статус эстетической концепции, институционально оформилось и получило самостоятельную ценность. Потому, оговорясь сразу, ведя речь о кинематографе, время от времени я буду позволять себе заходить в иные области художественного, но с одной лишь целью — создания картины можно более целостной и глубокой.

Анализируя тему одиночества как таковую или в контексте финского кинематографа, хотелось бы оставаться исключительно в рамках североευропейского дискурса, дать некий «взгляд изнутри», а потому в дальнейшем стану опираться исключительно на скандинавскую и финскую философско-культурологическую рефлексию.

Кинематограф Финляндии — это уникальный феномен, обладающий рядом весьма специфических характеристик. Он никогда не пытался конкурировать с американскими блокбастерами, сфокусировав внимание на тонких нюансах душевных переживаний молчаливого жителя загадочной Суоми. И подобный подход в полной мере оправдал себя — сегодня фин-

ские фильмы не только получают призы на самых престижных кинофестивалях, что было всегда, но и становятся коммерчески прибыльными.

Национальная идея и рождение кинематографа

Финский кинематограф с первых шагов развивался как часть кинематографа Скандинавского, при этом во многом в силу давних культурных связей ориентируясь на «старшего брата», с которым прожили совместно весь XIX век — Швецию. Необходимо отметить, что первая четверть двадцатого столетия в Скандинавии прошла под знаком формирования национальной идеи. На рубеже веков наиважнейшим элементом ее структурирования становится кинематограф. Это хорошо видно на примере Швеции. В эпоху немого кино, на рубеже 1-го и 2-го десятилетий XX века, Швеция считалась одной из ведущих кинематографических стран мира. В 1919 году создается знаменитая шведская кинокомпания — Svensk Filmindustri. Не случайно, что первые фильмы этой компании выдержаны в духе национального романтизма. Режиссерами Мауритцом Стиппером и Виктором Шёстрёмом был создан ряд фильмов, призванных пропагандировать шведскую национальную идею, но это

ЧУКУРОВ Андрей Юрьевич / Andrey CHUKUROV

| Одиночество и гендер в финском кинематографе |

ничуть не отразилось на высоком качестве исполнения. Вполне естественно, что многие из этих кинофильмов были сняты по книгам шведской писательницы Сельмы Лагерлёф.

Тогда же, в начале XX века, успешные шаги делает и финский кинематограф, дебютировавший в 1907 году фильмом «Самогонщики». Освобождение Финляндии дает новый толчок развитию национальной киноиндустрии. Интенсивная динамика в этом направлении была прервана вторжением советских войск в 1939 году и последующей оккупацией юго-восточных районов.

После Второй мировой войны кинематограф скандинавских стран переживает глубокий кризис. Связано это было и с тяжелой послевоенной ситуацией в экономике и с объективным сокращением зрительской аудитории — в культурное пространство ворвалось телевидение. Существовала и иная проблема — невозможность конкурировать с Голливудом и рядом европейских кинокомпаний, переживавших последний в своей истории подъем: тогда никто не мог предположить, что мир наблюдает агонию европейского кино. В Финляндии заговорили о необходимости государственных субсидий. В результате бурных дебатов создается Кинофонд Финляндии, призванный поддерживать национальный кинематограф.

Обо всех этих финансовых новшествах модно было бы и не упоминать, если бы в результате художники не получили долгожданной свободы творчества без жесткой привязки к коммерческому успеху их продукции. Подобный подход привел к рождению настоящего авторского кинематографа, сосредоточенного на раскрытии внутреннего мира человека, глубоко погруженного в стихию экзистенции, что по определению невозможно в коммерческом кино. Финский кинорынок в дальнейшем развивался без ориентации на кассовый успех за рубежом или конкуренцию с американскими фильмами.

Одиночество как повседневная практика

Состояние одиночества многими исследователями оценивается как требующее коррекции, в силу пагубного влияния на личность. Однако скандинавские ученые полагают это распространенным заблуждением. Так Бритт Эстлунд в работе «Старый старше всех» указывает на неправильную трактовку сути одиночества, например, пожилых людей. На мнение Б. Эстлунд ссылается, в частности, шведская исследовательница Будиль Йёнссон. Многие испытывают угрызения совести, если не навещают пожилых родственников, но никто не задумывается, что эти самые родственники и не стремятся к тому, чтобы их слишком часто навещали. Находясь в определенной возрастной категории, человек испытывает потребность в тишине и покое. «Однако, просто сидеть и думать почему-то не считается достойным занятием. Поэтому телевизор дает им прекрасное алиби... Телевизор как ненаблюдающий и некритикующий собеседник для многих пожилых, склонных к медитированию людей может оказаться лучшим партнером, нежели другие люди»¹.

В современном информационном обществе нам стало очень непросто сохранять собственную идентичность и проводить границу между внутренним и внешним, о чем пишет, в частности, норвежский психотерапевт и культуролог Финн Скэрдеруд. Когда внешний мир вторгается в область внутреннего, интимного, человек испытывает колоссальный стресс. Ф. Скэрдеруд опирается не только на свой опыт практикующего психотерапевта, но ссылается также на опыт норвежского социального антрополога Йорун Солхейм: «Я убеждена, что наши новые и быстро распространяющиеся «культурные болезни», такие как анорексия, булимия, фибромиалгия и другие трудно определяемые страдания, в первую очередь надо рассматривать как симптом усугубляющейся проблемы «пограничной линии». Эта проблема связана с сохранением границ тела и, не в последнюю очередь, с недостатком целостности, неприкосновенности женского тела»².

Финн Скэрдеруд, исходя из накопленного клинического материала, подтверждает теоретические установки Й. Солхейм, и говорит о регрессии человека, то есть о стремлении замкнуться, оградить себя, уменьшиться и т. д. Так больные анорексией стремятся обрести «минимальную самость»³. Другими словами, современный мир заставляет человека все точнее очерчивать границы вокруг себя. Одиночество — это инструмент выживания, тот образ жизни, который гарантирует сохранение «самости».

Тема одиночества давно стала объектом пристального изучения со стороны как научного сообщества Скандинавских стран и Финляндии, так и представителей художественного мира. Данный феномен представляет интерес не только самим фактом широкой репрезентации в художественном творчестве финнов, но также и тем, что североевропейская культура на протяжении всей своей истории оставалась коллективистской по духу, и заподозрить ее представителей в особой тяге к социальной самоизоляции вряд ли возможно. В данном контексте можно было бы вспомнить не меркнувшее стремление к хуторской жизни на лоне природы, но даже в этом случае мы имеем дело с большими, а до конца XIX века патриархальными, многопоколенными семьями.

Рубеж XIX–XX вв. с его урбанизацией и индустриализацией становится своеобразным водоразделом, заставляя воспринимать социокультурную модернизацию как кризисное явление многими представителями творческой части общества. Но дело здесь не только в невозможности найти свое место в меняющейся социальной структуре. Склонность к созерцательности и глубокое взаимопроникновение повседневных практик и природной среды определили сложную амбивалентную систему «человек-природа», где человек, с одной стороны, вынужден был отвоевывать себе пространство для жизни в суровых условиях севера, а с другой — устанавливать равноправный диалог с природным окружением.

Численность семьи не протяжении XX века сокращалась, а стремление быть на лоне природы никуда не пропадало. Городская жизнь в художественной традиции нередко репрезентируется как неизбежное, но временное зло. В городской

¹ Йонссон Б. Десять размышлений о времени: пер. со шведск. Ю. Колесова. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. С. 56.

² Скэрдеруд Ф. Беспокойство. Путешествие в себя: пер. с норв. М. Эскина. — Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003. С. 26.

³ Там же. С. 26.

ЧУКУРОВ Андрей Юрьевич / Andrey CHUKUROV

| Одиночество и гендер в финском кинематографе |

среде с ее навязанными социальными контактами человек стремится выстроить некие барьеры, тщательно отслеживая границы собственной «самости» и не нарушая чужих границ. Одиночество в скандинавской и финской культуре не является порой вынужденным, а потому гнетущим состоянием, но оказывается результатом добровольного и осознанного выбора. Хотелось бы обратиться к работе финской исследовательницы Паулины Кайнулайнен «Wisdom Theology and finnish nature spirituality reflections on Ivone Gebara's ecofeminism»: «Другая важная особенность в финской повседневной жизни — уважение к тишине. Это — часть финской культуры беседы, которую люди различного культурного происхождения иногда принимают за слабую социализацию. Многие финны активно ищут возможности уехать в тихие места, поближе к озерам и лесам. Каждое лето по выходным наблюдается массовое бегство из городов. Многие мужчины находят способы медитации в тиши рыбалки в светлые летние ночи...»⁴.

Кинематограф выводит сознание скандинавов на новый уровень рефлексии. Опять же, говоря о «маяках», имеет смысл вспомнить о шведском режиссере И. Бергмане, творчество которого стало крупной вехой для всех стран северной Европы. Так уже с первых фильмов он заявляет, что тема одиночества будет центральной в его кинематографе. И. Бергман исследовал одиночество эмоциональное и социальное, одиночество в семье и обществе. Особенно остро заявляет о себе в его зрелых фильмах — «Шепоты и крики» (1971), «Осенняя соната» (1977), «Сцены супружеской жизни» (1972). Мы видим картины внутрисемейного отчуждения, принципиальной невозможности взаимопонимания.

Если в творчестве И. Бергмана мы видим попытку вырваться из «сетей» одиночества, то у литераторов конца XX в. — начала XXI в. эта попытка даже не предпринимается. Произведения И. Эдельфельдт, Л. Ульман, Й. Синисало, Т. Янссон выглядят порой более как констатация неизбежности одинокого существования, чем как осуждение или неприятие данного феномена. Героям не предлагается выхода из ситуации одиночества, а порой этот выход им вовсе не нужен. Роман финской писательницы Малин Кивеля «Ты или никогда» становится наиболее полным выражением такого отношения.

«Я накрываю на стол: рождественская скатерть с узором, блюда по порядку. Вилка, нож, тарелка и бокал. И посреди стола — свеча. Не в виде рождественского гнома, конечно. Но все-таки. Я зажигаю свечу. Я сажусь. Я встаю, выключаю свет и снова сажусь. Свеча освещает стол. Свет яркий. Теплый. Я ем. Жевание отзывается в ушах. Глотание тоже.

⁴ Another important feature in the Finnish everyday life is respect for silence. It is part of the Finnish conversation culture which people from different cultural backgrounds sometimes experience as an awkward lack of social skills. But many Finns also actively search for possibilities to retreat to silent places, preferably near lakes and forests. Every summer weekend there is a huge traffic to summer cottages, an escape from cities. Many men find ways of meditation at silent fishing trips during light summer nights... (Пер. Чукурова А. Ю.) Kainulainen Pauliina. Wisdom Theology and finnish nature spirituality reflections on Ivone Gebara's ecofeminism. // Scandinavian Critique of Anglo-American Feminist Theology. Journal of the European Society of Women in Theological Research, 15. — Belgium, Leuven: Peeters Publishers, 2007. P. 138.

А так — вокруг относительно тихо⁵

Это несколько дней из жизни молодой женщины. У нее нет друзей, нет семьи. Она сама себе делает подарки на Рождество. Покупает в Стокманне, просит завернуть в подарочную бумагу, а дома дарит сама себе в Рождественскую ночь. Иногда она встречает других людей, но редко начинает общаться — больше наблюдает. Это эстетизированное одиночество, которое не тяготит. День за днем, эпизод за эпизодом перед нами проходит тихая жизнь, и лишь в самом конце романа остается намек на возможность появления в этой жизни кого-то еще.

Финская культура именно об этом — жевании, что отдается в ушах, дрожащем огоньке одинокой свечи и подарках самим себе.

В шаге от реальности?

Усиление влияния феминистской кинокритики актуализировало гендерный анализ художественного текста, что в свою очередь вывело на авансцену научной и художественной рефлексии проблему феминности и маскулинности в современном обществе и раскрыло новые грани и причины одиночества. За трагичная проблемы феминизма в национальном финском контексте, мы должны иметь в виду, что Финляндия — это страна уже давно победившего феминизма, причем победившего эволюционным, а вовсе не революционным образом. Это первая европейская страна, где женщины получают право голоса, первая страна, где женщины на парламентских выборах получают места в парламенте (Случилось это еще в 1907 году, когда Финляндия была в составе Российской империи). Сегодня уже 80% парламентариев этой страны — женщины. Я не зря указываю на эволюционный характер подобных побед — финский феминизм никогда не отличался радикальной направленностью, ограничивался узким кругом высокообразованных университетских женщин и не был склонен к громким акциям. Отчасти это связано с тем, что традиционно женщина в этой стране и без того была достаточно свободна в повседневной жизни — хуторской, изолированный быт не терпит зависимости и нерешительности. Наверное, самым активным и наиболее заметным периодом борьбы за равноправие полов стала вторая половина 1970-х. Собственно, главной причиной обострения борьбы становится ситуация в семьях, где женщина не была защищена от насилия. Понятие «изнасилование в браке» вообще не существовало. Именно тогда в кинематографе как главный герой уходит сильный мужчина, воин, охотник, успешный делец, глава семьи. Ему на смену явился мужчина-неудачник, слабый, хотя и способный на поступок и не лишенный некоторой привлекательности, как например, в фильме «Тени в раю» (1986), который является первой частью так называемой «Пролетарской трилогии» финского режиссера А. Каурисмяки, вместе с такими фильмами как «Ариэль» и «Девушка со спичечной фабрики». Хотя, как мы видим в фильме «Тени в раю», даже такой мужчина способен на сильный поступок. Второй же тип «героя» — это мужчина-насильник.

Интересно, что проблема с равноправием, равно как и с насилием в семье уже не столь сильно занимает общество, а

⁵ Кивеля М. Ты или никогда: Роман: пер. с финск. Стародубцева Л. — М.: Лайвбук, 2010. С. 27.

ЧУКУРОВ Андрей Юрьевич / Andrey CHUKUROV

| Одиночество и гендер в финском кинематографе |

Фрагмент 1. <http://youtu.be/fTHf-wEa18U>

кинематограф продолжает рефлексировать на эту тему. Образ мужчины все еще остается предметом анализа. Мужчина-насильник — частый гость финского кинематографа, даже если он и не присутствует в кадре. Даже сегодня, несмотря на кардинальное изменение ситуации, кинематограф упорно стоит на старых позициях, словно бы не находя сил и возможностей создать конфликт вне гендерной ситуации и предпочитая творить параллельную реальность. Так в фильме финского режиссера Клауса Хяре «Письма отцу Якоби» (2009) [Фрагмент 1.] перед нами женщина, доведенная до отчаяния и ставшая преступницей по вине мужчины-насильника. Есть также закадровое присутствие мужского насилия — героиня читает письма слепому священнику, где женщины жалуются на семейное насилие, а главный герой — отец Якоби, словно берущий на себя все горести мира, символически лишается мужского начала. Его слепота носит сакральный смысл — слепота как иное видение мира, как путь искупления. Интересно, что и для главной героини жизненный путь служителя Господа становится примером и указанием к искуплению и возрождению.

В финском кинематографе не происходит вытеснения мужчины женщиной или наоборот. Мы наблюдаем их сепаратизацию, параллельное существование в неких разных вселенных. Замечательный фильм «Сердцебиение» (2010) реж. Саары Кантел дает нам милую замкнутую женскую вселенную — едва пересекающиеся между собой истории и сюжеты, но только из жизни женщин. Как-то вообще удалось обойтись без мужчин. Они как бы подразумеваются, но в кадре отсутствуют. Другой фильм реж. Алекси Салменперы «Как стать мамой» (2004) рассказывает историю молодой женщины, желающей завести ребенка, но получающей отказ от своего молодого человека. В фильме поднимается тема искусственного оплодотворения и полной свободы выбора — женщина более не привязана к мужчине в своих желаниях. Режиссер идет дальше, показывая зарождающееся любовное чувство между главной героиней и женщиной-врачом клиники. Лесбийские отношения окончательно выводят мужчину «за скобки».

Интересно, что в этой ситуации и мужчины оказываются способны дать ответ, заявляя, что агрессивность вовсе не так свойственна мужской природе, как это слишком часто представляется. Кроме того, именно мужчина может выступать хранителем неких традиционных ценностей. Фильм «В парилке жизни» (2010) [Фрагмент 2.] становится своеобразным мани-

Фрагмент 2. <http://youtu.be/BEWzst6WY>

фестом, ответом на феминистскую критику. И снова хотелось бы обратиться к работе Паулины Каинулайнен: «Третий важный элемент в повседневной жизни и природной духовности Финляндии — это сауна. Он тоже связан с уважением к тишине. Сотовые телефоны как и любой другой вид шума — кощунство в сауне. Традиционно сауны располагались на побережье. Сауна всегда была местом «космической» встречи воздуха, воды, земли и огня. Это было и остается местом возобновления или возрождения, начиная с самых первых форм сауны, топившихся по-черному, являвшейся согласно языческой традиции символизацией «черной матки».

Сауна — святое место. Она использовалась как место рождения и обмытия покойников. Финское слово *loulu*, означающее горячий пар от камней сауны, имеет тот же самый корень как слово «душа» на нашем языке. Даже сегодня финны воспринимают купание в сауне как возможность исцеления и расслабления. Сауна — место, где иерархии теряют свое значение. Культура сауны с ее естественным отношением к наготы также поощряет позитивное восприятие и связь с собственным связью с телом».⁶

Фильм «В парилке жизни» — это рассказы мужчин, не связанные единым сюжетом. Режиссер не задействовал профессиональных актеров. Перед нами обычные финны, чьи исповеди вызывают доверие как своей непосредственностью, так и манерой подачи материала: сауна выступает символом очищения. Мужское тело утрачивает агрессивность. Оно обретает своеобраз-

⁶ The third element important in everyday Finnish nature spirituality is our sauna culture. It is also linked with the respect of silence; cellular phones and every kind of noise are a sacrilege in the sauna. Traditionally saunas are located on the watershore. The sauna has been a cosmic meeting place of the elements: earth, water, air and fire. It has been and is a place of renewal or rebirth, with the oldest form of sauna, the smoke sauna, especially being often experienced as a dark womb.

The sauna is a holy place. It used to be a place of giving birth and of washing the dead. The Finnish word *louly* that means the hot vapour from the sauna stones is of the same root as the word for *soul* in our language. Even today Finns experience bathing in the sauna as a possibility to holistic purification and relaxation. The sauna is a place where hierarchies lose their meaning. The sauna culture with its natural attitude to nakedness also encourages a positive relationship with one's body. (Пер. Чукурова А. Ю.) Kainulainen Pauliina. Wisdom Theology and finnish nature spirituality reflections on Ivone Gebara's ecofeminism. // Scandinavian Critique of Anglo-American Feminist Theology. Journal of the European Society of Women in Theological Research, 15. — Belgium, Leuven: Peeters Publishers, 2007. P. 138.

ЧУКУРОВ Андрей Юрьевич / Andrey CHUKUROV

| Одиночество и гендер в финском кинематографе |

ную амбивалентность, символизируя одновременно беззащитность и природную естественность. Режиссеры Йонас Бергхалл и Мика Хотакайнен словно бы подчеркивают природную естественность мужского тела, заставляя вспомнить живописные полотна финских художников Пеки Халонена и Аксели-Галлен Каллелы — они всегда сохраняли глубокую внутреннюю связь с той средой, из которой оба вышли, с крестьянскими корнями, хуторским бытом, с девственной, исполненной «калевальского духа» финской природой. Сравним тематику произведений Халонена и Каллелы: это семья, дом, дети, быт. Бросается в глаза схожесть сюжетов и художественного решения картин Каллелы «Сауна» (1889) и Халонена «В сауне» (1925). Перед нами традиционная финская сауна. Художники выбирают спокойные цвета, общий темный фон, на котором ярко выделяются светлые тела людей. И в том и в другом случае перед нами патриархальная многопоколенная семья. Картины окрашены характерным лиризмом и грустью. Даже при беглом сравнении возникает ощущение, что при съемках фильма перед внутренним взором режиссеров были картины знаменитых финских мастеров.

Сложившаяся в XIX в. культурная ситуация — стремление к независимости, рост национального самосознания, формирование культурной идентичности, складывание университет-

ской и богемной среды — в Финляндии способствовала тому, что в одно и то же время на авансцену художественной жизни выходит целая плеяда талантливых людей. Никому не известная и интересная лишь узкому кругу специалистов, провинциальная Финляндия неожиданно обрела вполне узнаваемый «культурный профиль», заняв собственное место в европейской художественной жизни. С тех пор этот «профиль», характерной особенностью которого становится тесное взаимодействие человека и природы, одиночества в природном окружении, не претерпел серьезных изменений.

Стремление к одиночеству, к бытию на лоне природы, всегда оставалось естественным для финской культуры. Сегодня у этого феномена появляется новый оттенок — оттенок страха. Нередко не укоренившиеся традиции становятся причиной одинокого существования, а страх перед потенциальным насилием, страх быть обманутым. Однако, в условиях стремительно меняющегося мира финны сохраняют приверженность этнокультурным ценностям, формируя своеобразное «экологическое мышление», где культурная легитимность «войны полов» всегда будет ставиться под сомнение самой повседневностью. Вот только одна проблема: будет ли это делать финский кинематограф?

